

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Международный круглый стол «Проблемы истории и археологии Херсонеса Таврического»

© 2009 г.

С. А. Коваленко

ГЕСТИАТОРИЙ ЧАЙКИНСКОГО ГОРОДИЩА

В ходе полевых работ 1997–1998 годов, проводившихся Крымской археологической экспедицией исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова¹ в западной части Чайкинского городища и имевших своей целью исследование археологических слоев и комплексов начального этапа его существования², здесь было открыто небольшое здание, заметно отличавшееся своим внешним видом от остальных построек Чайкинской крепости. Интерпретации этого интересного архитектурного сооружения и посвящена настоящая статья.

Здание, о котором пойдет речь (или помещение 111, согласно принятой сквозной нумерации греческих помещений городища) (рис. 1–2), в ходе своего бытования подверглось значительным перестройкам, существенно изменившим его первоначальный облик. Он, однако, может быть восстановлен со значительной степенью достоверности благодаря сохранившимся участкам ранних кладок. Относительно хорошо до нашего времени сохранились ранние кладки южной и западной стен здания. Северная и восточная стены были перестроены в более поздний период, хотя также сохранили фрагменты ранних кладок (рис. 3–5). Сооружение здания относится к самому первому строительному периоду, в ходе которого происходило возведение оборонительной системы Чайкинского городища. Помещение 111 было пристроено непосредственно к западной крепостной стене поселения (рис. 6) и, вследствие этого, оказалось заметно смещено к западу относительно линии возникших позднее помещений внутренней застройки.

Строительная техника, в которой было возведено помещение 111, и его место в планировке поселения свидетельствуют о том, что изначально его внешний облик имел парадный характер и был рассчитан на обозрение по крайней

¹ Благодарю начальника экспедиции – Е.А. Попову за любезное разрешение опубликовать материалы раскопок. Настоящая работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 96-01-00298 «Греки и варвары в Северо-Западном Крыму».

² О Чайкинском городище и его месте в истории Северо-Западного Крыма античной эпохи см. *Попова Е.А., Коваленко С.А.* Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища). М., 2005. С. 96–100.

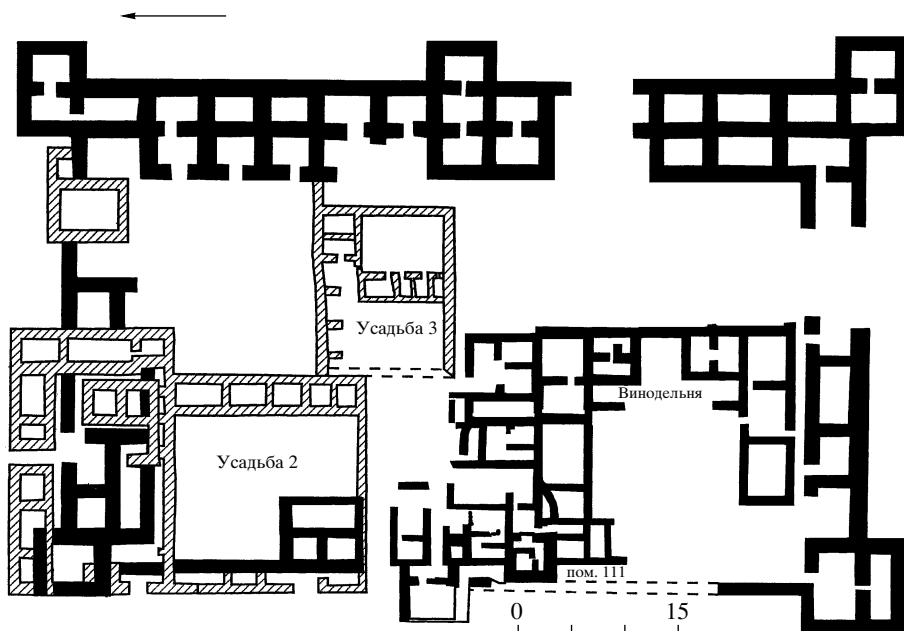

Рис. 1. Общий план Чайкинского городища

Рис. 2. Помещение 111. Заложенный дверной проем в восточной стене

мере с двух сторон. Помещение имело квадратную в плане форму и размеры по внешним фасадам 5.00×5.00 м. Стены помещения были возведены на основании, включавшем два ряда каменных плит и представлявшем собой упрощенный вариант крепидомы (рис. 7). По периметру помещения в основании кладок были уложены на постель аккуратно отесанные плоские плиты, тщательно подогнанные друг к другу (рис. 5, 7). Их толщина составляла 0.12–0.14 м, длина колебалась от 0.40 до 0.60 м. На эти плиты, которые выполняли роль основания стен или euthynteria, был уложен еще один ряд аналогичных плит с

Рис. 3. Помещение 111. Вид с востока

Рис. 4. Юго-восточный угол помещения 111 с элементами крепидомы

отступом от края нижнего ряда на 0.14–0.16 м (рис. 7). Эти верхние плиты являлись по существу стилобатом, на котором покоилась собственно кладка стен помещения 111. Она была трехслойной, по внешним фасам – псевдоисодомовой, по внутренним – иррегулярной постелистой. Внешние фасы были облицованы тщательно отесанными известняковыми плитами стандартной высоты в 0.30 м, поставленными орфостатно на ряд каменных квадров, столь же аккуратно обработанных и уложенных на постель. Высота квадратного ряда составляла 0.37 м. Часть этой кладки сохранилась в юго-восточном углу здания, в восточной стене (рис. 7). Ее максимальная высота в этом месте – 1.15 м. Этот участок кладки является прекрасным образцом каменотесного искусства позднеклассической эпохи и особенно отчетливо демонстрирует, сколь высокие требования предъявлялись строителями к оформлению внешнего вида рассматриваемого здания.

Рис. 5. Помещение 111. Остатки крепидомы под западной стеной

Поскольку камни внешних фасов южной и западной стен помещения 111 были на всем протяжении стен выбраны, трехслойный характер их кладок виден особенно четко, так как хорошо сохранилась внутренняя забутовка этих стен из рваного необработанного камня (рис. 3–4). Внутренние фасы были сложены в иной технике, чем внешние. Кладка была постелистой иррегулярной, с использованием как плоских плит, так и крупных подпрямоугольных блоков, с заполнением пространства между ними мелким бутовым камнем, с тщательной подтеской всех камней по плоскости фаса (рис. 8). Камни внутренних фасов сохранились на высоту 1.00–1.25 м по южной стене и южному отрезку восточной стены и на высоту до 0.50 м по западной стене. Выборка камней внешнего фаса западной и южной стен до уровня плит нижнего ряда кладки позволила зафиксировать наличие на верхней плоскости этих плит специальных рисок каменотесов, выбитых по линии укладки квадров следующего ряда с отступом от края плит на 0.03–0.05 м (рис. 5).

Ширина западной, южной стен, а также южного отрезка восточной стены помещения 111, не подвергавшихся позднейшим перестройкам – стандартна и равняется 0.70–0.75 м. Высокое качество всех сохранившихся ранних участков кладки помещения 111, как и ее стандартные размеры, позволяют предполагать, что и техника кладки всех стен помещения была на первом этапе его существования одинаковой, т.е. такой же, как и в наилучшем образе сохранив-

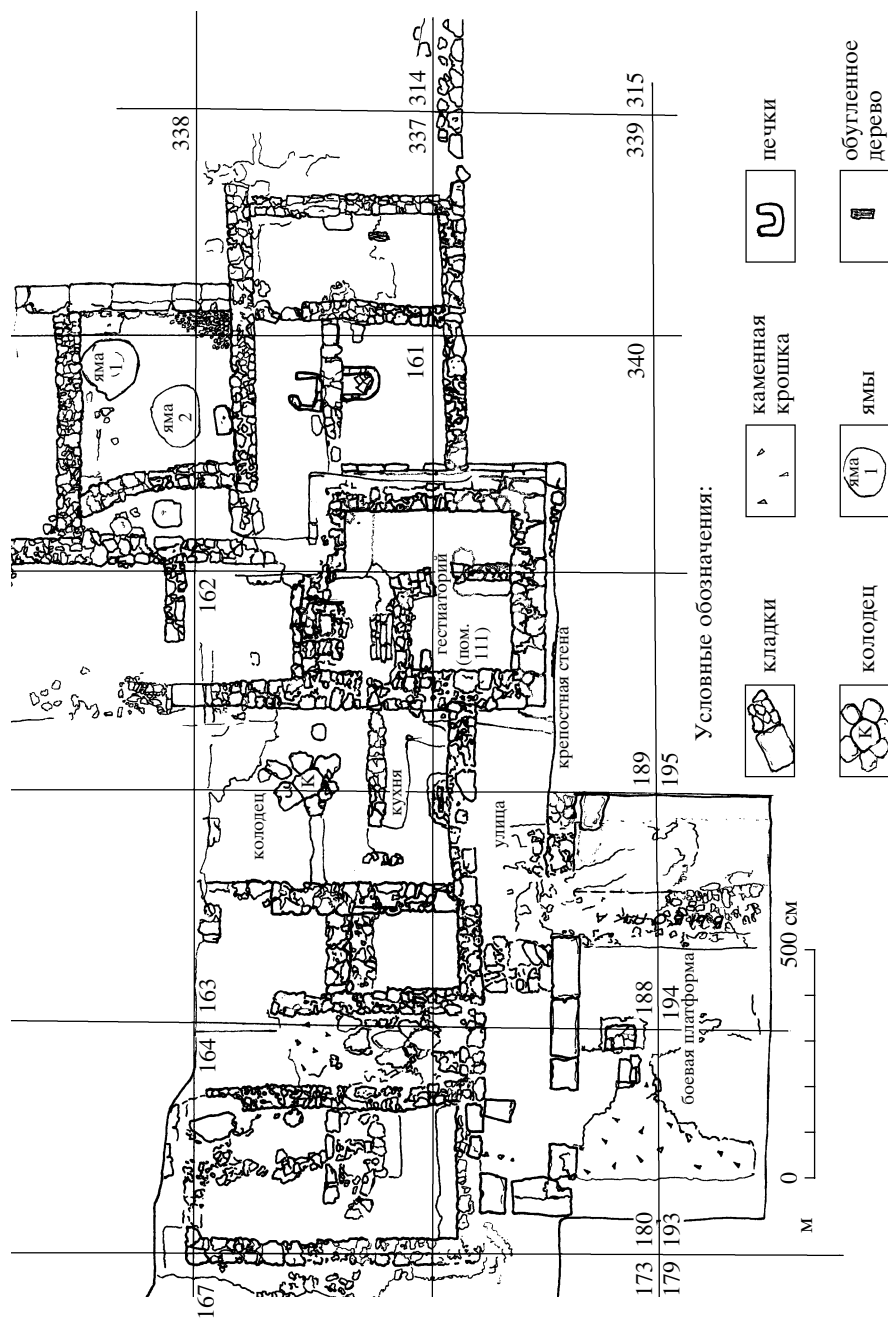

Рис. 6. Гостиный двор в системе внутренней застройки Чайкинского городища. Деталь плана

Рис. 7. Гестиаторий. Юго-восточный угол. Деталь

шемся юго-восточном углу помещения (рис. 7). В восточной стене находился и дверной проем, ведущий в здание. Об этом свидетельствует аккуратно оформленный северный торец южного участка ранней восточной стены (рис. 2).

Есть основания предполагать, что рассматриваемое здание было с трех сторон окружено вымосткой шириной около 1.00 м из мелкой тщательно утрамбованной каменной крошки. Участок такой вымостки был расчищен близ юго-западного угла здания, к западу от общей западной стены помещений внутренней застройки. К сожалению, позднейшие строительные работы, в ходе которых здание было включено в систему внутренней застройки, уничтожили данную вымостку на других участках.

Связанный с функционированием рассматриваемого помещения уровень жизни фиксируется трамбовкой из мелкой каменной крошки, которая частично сохранилась в его центральной и южной частях. Толщина трамбовки составляла 0.04–0.05 м и первоначально, очевидно, занимала всю площадь помещения, за исключением тех мест, где роль пола выполняли положенные плашмя сырцовые кирпичи. Подобное, достаточно необычное оформление пола свидетельствует о том, что данное помещение не являлось ни жилым, ни хозяйственным. Как крошка, так и кирпичи подстилались слоем желтого песка. Именно из этого слоя песка под крошкой происходит находка бронзовой монеты, дающая *terminus post quem* для возведения помещения 111. Это херсонесская монета с изображением квадриги на лицевой стороне и коленопреклоненного гоплита на оборотной³. В настоящее время монеты этой серии достаточно уверенно могут датироваться 50-ми годами IV в. до н.э.⁴

Археологический материал, полученный при зачистке каменной крошки, занимавшей площадь помещения 111, не очень выразителен. Представлены немногочисленные находки тарной керамики в виде дна херсонесского пифои-

³ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977, № 36–56.

⁴ Сапрыкин С.Ю. К типологии двух групп монет Херсонеса // СА. 1980. № 3. С. 56; Коваленко С.А. К хронологии двух групп монет Херсонеса Таврического // Монеты и медали. II. М., 2004. С. 62.

Рис. 8. Гестиаторий. Внутренний фас восточной стены

Рис. 9. Гестиаторий. Колодец и остатки кухни. Вид с северо-востока

да и ручки гераклейской амфоры. Обнаружены обломки столовой красноглиняной посуды, включавшие ручки херсонесских кувшинов и венчик херсонесской миски. Среди находок чернолаковой керамики наиболее выразительна ножка чернолакового килика или фимиатерия. Другие керамические формы представлены венчиками мисочки с насечками по дну и чашечки.

В ходе строительства описываемого здания с севера к нему было пристроено небольшое помещение подпрямоугольной формы, впоследствии почти полностью разобранное. До нашего времени от него сохранилась лишь восточная стена протяженностью 2.50 м (рис. 6, 9) и шириной – 0.35–0.40 м. От стены остался лишь самый нижний ряд камней. Техника ее кладки характеризуется чередованием участков двуслойной кладки с камнями, положенными на всю ширину стены. Камни лежали на подушке из рушеного сырца и золистого

суглинка толщиной до 0.10 м, в свою очередь располагавшейся на желтом песке. Очевидно, сохранившаяся кладка представляла собой остатки каменного цоколя, впущенного в траншею, дно которой было занято золисто-сырцовым заполнением. Отдельные камни, располагавшиеся по линии З-В на той же глубине, были обнаружены в 0.40 м севернее торца описанной стены и, очевидно, принадлежали северной стене данного помещения.

Площадь к востоку от этого помещения была вымощена каменной крошкой, в которой была расчищена горловина колодца, оформленная каменными плитами, уложенными заподлицо с крошкой. Колодец находился на расстоянии 1 м к северу от северо-восточного угла помещения 111. К востоку и югу от горловины колодца в каменной крошке были расчищены две подовальные ямки диаметром 0.30–0.40 м и глубиной 0.15–0.18 м, заполненные углем (рис. 6, 9). Вероятнее всего, эти ямки служили для укрепления столбов какой-то наземной деревянной конструкции, располагавшейся над колодцем.

Высокий уровень исполнения кладок стен помещения 111, возведение их на основании, приближавшемся по внешнему виду к креpidоме, использование окаймляющей помещение вымостки, а также само место в планировке поселения, характеризующееся близостью к крепостной стене и въезду на городище⁵, свидетельствуют о том, что данное помещение изначально имело специальное общественное назначение. В полевом отчете 1998 г. оно предварительно характеризовалось как культовое сооружение, возможно храм. Детальное изучение материалов раскопок не позволяет, однако, сегодня и далее рассматривать помещение 111 в качестве храма или святилища.

Подобной интерпретации, на наш взгляд, противоречат несколько обстоятельств. Во-первых, ни в самом здании, ни около него не обнаружено алтаря или жертвенника иного рода (бомоса, эсхары и т.п.), наличие которых обязательно для сооружений такого типа. К этому же надо добавить отсутствие конструкций, как-то маркирующих границы гипотетического святилища (заборов, оград и т.п.), центром которого, очевидно, должно было бы быть рассматриваемое здание⁶. Во-вторых, полученный при раскопках археологический вещевой материал не содержит никаких находок votивного характера, которые мы также были бы вправе ожидать при исследовании святилища или храма. В-третьих, в своем первоначальном виде описываемое здание просуществовало сравнительно недолго и подверглось значительным перестройкам, кардинально изменившим его функцию, что опять-таки нехарактерно для подобных культовых сооружений. Наконец, достаточно необычна для них и сама подквадратная форма данного здания.

Вместе с тем помещение 111 обладает рядом признаков, свидетельствующих о том, что оно могло быть предназначено для культовых трапез или сакральных пиров и представлять собой так называемый гестиаторий (*hestiatorion*, ἑστιάτοριον) – специальное общественное здание или помещение, в котором в дни религиозных праздников проходили носившие культовый характер обеды, устраивавшиеся на общественный счет.

⁵ Пом. 111 находилось на расстоянии около 4 м от боевой платформы, фланкирующей въезд на поселение с юга (рис. 1, 6).

⁶ Ср. *Roscher W.H.* Ausfürliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. 1–2. Lpz, 1886–1890. Col. 2494; *Pedley J.* Sanctuaries and the Sacred in the Ancient Greek World. Cambr., 2005. P. 6.

Наиболее раннее упоминание о гестиатории как специальном здании содержится на бронзовой табличке, найденной под Сикионом и датированной рубежом VI–V вв. до н.э.⁷ Несколько позже Геродот (IV. 35) упоминает о гестиатории граждан Кеоса, который существовал возле святилища Артемиды на Делосе. Наиболее многочисленные письменные и археологические свидетельства существования этих сооружений относятся к IV–II вв. до н.э.⁸

Хотя гестиатории, подобно пританеям, не имели раз и навсегда устоявшейся архитектурной формы, они обладали рядом черт, позволявших достаточно легко определить их функцию. Одной из таких черт было наличие каменного или галечного пола (иногда с мозаикой), облегчавшего уборку помещения после окончания трапезы, во время которой мусор просто бросали на пол. Существование неподалеку колодцев, цистерн или иных источников воды также было необходимым условием, так как, во-первых, вода требовалась для приготовления пищи, во-вторых, для обязательного ритуального омовения участников культовой трапезы⁹. Наличие рядом небольшого кухонного помещения, нередко непосредственно пристроенного к гестиаторию, было еще одной отличительной чертой подобных сооружений¹⁰. Размеры и форма гестиатория в значительной степени определялись количеством лож для участников трапезы, которые необходимо было разместить внутри этого помещения¹¹. Ложа, изготовленные из камня или глины, или каменные подставки для них нередко сохранялись в этих сооружениях и также недвусмысленно свидетельствовали об их функции¹². Поскольку пирующие возлежали на ложах, опираясь на левую руку, и никто из них не должен был находиться головой в угол помещения, соответствующая схема размещения требуемого количества клине вдоль стен гестиатория, как правило, требовала сдвига входа в него относительно центральной оси помещения с таким расчетом, чтобы длина хотя бы одной стены по сторонам от входа была достаточной для установки вдоль нее ложа¹³. Характерной чертой гестиаториев была и подквадратная форма, хотя известны сооружения этого типа, имевшие прямоугольную и даже круглую форму¹⁴.

К сожалению, мы не можем судить о том, каким был первоначальный дверной проем в помещении 111, поскольку именно восточная стена помещения, в

⁷ Börker Chr. Festbankett und griechische Architektur. Konstanz, 1983. S. 11.

⁸ Frickenhaus A. Griechische Bankethäuser // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1917. XXXII. S. 114–133; Tomlinson R.A. Perachora: the Remains outside the Two Sanctuaries // BSA. 1969. 64. P. 155, 169–170; *idem*. The Buildings in Sanctuaries of Asklepios // JHS. 1969. LXXXIX. P. 108, 111–117; *idem*. Two notes on possible *hestiatoria* // BSA. 1980. 75. P. 221–228; Bergquist B. Heracles on Thasos. Uppsala, 1973. P. 37, 48; Bookidis N. Ritual Dining at Corinth // Greek Sanctuaries. New Approaches. L.–N.Y., 1993. P. 45–61; Börker. Op. cit. S. 11. Anm. 18; Gebhard E.R. Caves and Cults at the Isthmian Sanctuary of Poseidon // Peloponnesian Sanctuaries and Cults. Proceedings of the Ninth Intern. Symposium at the Swedish Institute at Athens, 11–13 June 1994. Stockholm, 2002. P. 63–74.

⁹ Börker. Op. cit. S. 12; Tomlinson. Perachora... P. 171; Bookidis. Op. cit. P. 52.

¹⁰ Bookidis. Op. cit. Fig. 3. 2; Gebhard. Op. cit. P. 69.

¹¹ Börker. Op. cit. S. 12.

¹² Frickenhaus. Op. cit. Abb. 3, 7; Tomlinson. Perachora... Fig. 4. Pl. 49; Bookidis. Op. cit. Fig. 3, 3; Gebhard. Op. cit. P. 65.

¹³ Frickenhaus. Op. cit. P. 115; Tomlinson. The Buildings in Sanctuaries. P. 108, 114; Börker. Op. cit. S. 12–13.

¹⁴ Börker. Abb. 7, 14; Frickenhaus. Op. cit. Abb. 1, 3, 5; Tomlinson. Two notes. P. 226; *idem*. Perachora... P. 164; Pedley. Op. cit. P. 75–76.

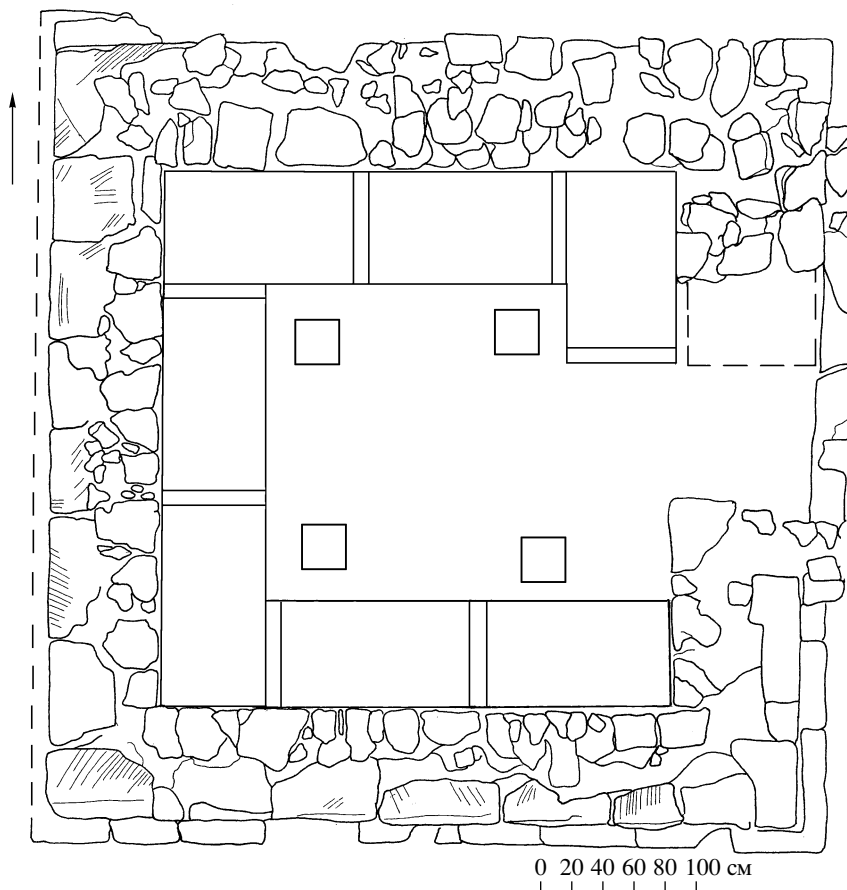

Рис. 10. Гестиаторий. План и реконструкция размещения клине

которой он располагался, подверглась, наряду с северной стеной, перестройке во время возведения помещений внутренней застройки вдоль западной оборонительной стены городища. Во время этого строительства помещение 111 было включено в планировку нового квартала после кардинальной перестройки, в результате которой оно было разделено внутренними стенами на две комнаты и его функция безусловно изменилась. Представляется, что именно необходимость существенного расширения дверного проема, ведущего в помещение 111, стала причиной практически полной разборки верхних частей северного отрезка восточной стены помещения и связанной с ней впереплет северной стены и последующего возведения на их фундаментах новых стен, качество кладки которых было на порядок ниже. В результате в восточной стене был устроен дверной проем шириной около 1.5 м (рис. 2). Северный торец этого проема был выведен заново, южный же остался прежним. Располагавшаяся к северу от помещения 111 пристройка-кухня была полностью разобрана, колодец засыпан и перекрыт стеной одного из новых помещений внутренней застройки.

Расположение и ширина первоначального дверного проема, однако, могут быть восстановлены в ходе реконструкции количества клине, которые могли быть установлены в чайкинском гестиатории. При внешних размерах

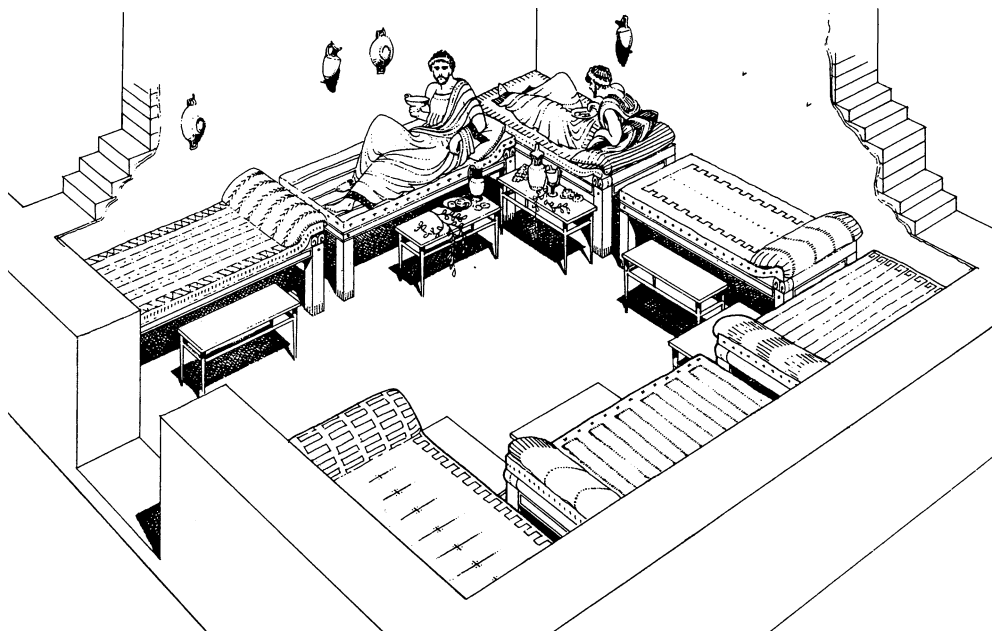

Рис. 11. Гестиаторий. Реконструкция (по: Börker Chr. Festbankett und griechische Architektur. Konstanz, 1983, Abb. 2)

5.00 × 5.00 м и средней ширине стен 0.70–0.75 м, длина стен, вдоль которых устанавливались лежа, составляла 3.50–3.60 м и, соответственно, площадь помещения 111 равнялась 12.25–12.96 м². Расчеты показывают, что подобные размеры позволяли разместить в данном помещении семь клине длиной около 1.35–1.40 м и шириной 0.65–0.70 м, которые, очевидно, были изготовлены из дерева (рис. 10–11). При этом одно клине могло размещаться справа от дверного проема, по всей длине северного отрезка восточной стены, которая в таком случае должна была составлять минимум 2.10–2.15 м, максимум – 2.30 м. Если учесть, что длина южного отрезка восточной стены, сохранившегося в первоначальном виде, составляла 2.00 м, ширина изначального дверного проема помещения 111 могла равняться 0.70–0.90 м и он в любом случае был немного смещен к северу относительно центральной оси помещения.

Гестиатории, рассчитанные на семь клине (ἐπτάκλινοῦ οἶκος), являлись довольно распространенной разновидностью подобных сооружений. В происходящей из раскопок Фасоса надпись конца IV–III в. до н.э. упоминается строительство на территории святилища Геракла гестиатория, имевшего размеры, достаточные для того, чтобы вместить семь лож¹⁵. По тыльной стороне так называемой Южной Стои афинской Агоры, построенной в конце V в. до н.э. и просуществовавшей до II в. до н.э., имелось 15 стандартных квадратных помещений, каждое из которых вмещало по семь клине¹⁶. Гестиатории, рассчитанные на семь лож, находились в здании Помпейона, датированном концом V в. до н.э. и располагавшемся на афинском Керамике¹⁷. В андронах

¹⁵ Bergquist. Op. cit. P. 37.

¹⁶ Börker. Op. cit. S. 13–14, Abb. 3.

¹⁷ Ibid. S. 17. Abb. 16, C.

частных домов Пирея и Олинфа авторы раскопок также реконструировали семь клине¹⁸.

Реконструируемые размеры клине чайкинского гестиатория (1.35–1.40 × 0.65–0.70 м) позволяют отнести их к коротким ложам, длина которых составляла 1.35–1.65 м и которые часто встречались в подобных помещениях¹⁹. Наряду с ними известны и длинные лежа – 1.80–2.10 м и шириной 0.90–1.00 м, которые могли предназначаться для размещения на них двух человек²⁰. Исключение в этом ряду составляют сверхкороткие лежа длиной 0.75–1.20 м, открытые в гестиатории святилища Деметры в Коринфе²¹. Необходимо, однако, отметить, что в целом размеры клине не подчинялись каким-либо строгим закономерностям и могли значительно различаться даже в пределах одного помещения²².

Довольно типичны размеры и самого чайкинского гестиатория (5.00 × 5.00 м), который относится к первой, простой разновидности подобных сооружений. Это был комплекс стандартных смежных комнат, объединенных общим вестибюлем, или отдельно стоящее здание²³. Вторая, более сложная разновидность, характеризовалась группировкой помещений гестиатория вокруг перистильного двора²⁴. Большинство помещений для ритуальных трапез, открытых в святилище Деметры и Керы в Коринфе, имело размеры 4.50–5.00 × 5.00 м²⁵. Приблизительно ту же площадь имели гестиатории «Южной Стои» на афинской Агоре и Помпейона на афинском Керамике²⁶.

Интерпретация помещения 111 в качестве гестиатория, которая на сегодняшний день кажется нам наиболее обоснованной среди всех возможных гипотез, порождает, однако, ряд вопросов и уклониться от ответа на них означало бы подвергнуть сомнению предлагаемое объяснение.

Насколько нам известно, до настоящего времени специальные помещения для культовых трапез не выделялись в общественной и культовой архитектуре греческих поселений Северного Причерноморья²⁷. Давалась лишь общая характеристика функционально близких помещений жилой архитектуры – андронов²⁸. Этот факт, на наш взгляд, не означает, однако, что чайкинский гестиаторий представлял собой исключительное явление или был единственным в своем роде. Думается, что внимательное изучение строительных остатков теменосов и общественных зданий северопричерноморских полисов под тем же углом зрения, что и чайкинского здания, позволит выявить и другие

¹⁸ Hoepfner W. Haus und Stadt im klassischen Griechenland. München, 1986. S. 30. Abb. 20; S. 40–41. Abb. 61–63.

¹⁹ Börker. Op. cit. S. 13. Anm. 33; Frickenhaus. Op. cit. S. 127, Anm. 2, S. 133; Bookidis. Op. cit. P. 58–59, Tabl. 3, 1; Gebhard. Op. cit. P. 69. Not. 31.

²⁰ Frickenhaus. Op. cit. S. 120. Anm. 2; Börker. Op. cit. S. 13, Anm. 33; Tomlinson. Perachora... P. 164; idem. The Buildings in Sanctuaries... P. 108.

²¹ Börker. Op. cit. S. 13. Anm. 33.

²² Ibid.; Frickenhaus. Op. cit. S. 120.

²³ Cp. Tomlinson. Perachora... Fig. 1, 5; Bookidis. Op. cit. Fig. 3, 1; Börker. Op. cit. Abb. 7, 9.

²⁴ Bergquist. Op. cit. P. 48; Tomlinson. The Buildings in Sanctuaries... P. 111; Börker. Op. cit. Abb. 12–13, 17, 19.

²⁵ Bookidis. Op. cit. P. 47. Fig. 3, 1.

²⁶ Börker. Op. cit. Abb. 3, 16, C.

²⁷ См., например, Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.

²⁸ Ср. он же. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 77; Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. Киев, 1990. С. 91, 109.

подобные сооружения. Это тем более вероятно, что, например, проведение са-
кральных трапез коллегией нумениастов в Ольвии засвидетельствовано ар-
хеологическими материалами V в. до н.э.²⁹ Предположение о проведении по-
добных мероприятий на территории святилища Аполлона Дельфиния или в
его храме не исключает, однако, и возможности существования специальных
помещений для этого, т.е. гестиаториев. В том же полисе устраивались пиры в
честь Диоскуров, которые, по мысли А.С. Русяевой, могли иметь место в при-
танеях или святилищах, посвященных этим божествам³⁰.

Но если гипотетическое наличие гестиаториев в таком крупном полисе, как
ольвийский, не может нас удивлять, то специальное возведение подобного со-
оружения на территории небольшой крепости общей площадью 0,5 га, как ка-
жется, все же требует отдельного объяснения. Поскольку первый, начальный
этап существования Чайкинского городища был связан с его функционирова-
нием в качестве государственной крепости, возведенной по заранее разрабо-
танному архитектурному плану, с привлечением высококвалифицированных
специалистов и на государственные средства³¹, строительство гестиатория од-
новременно с сооружением фортификационной системы, складских помеще-
ний и т.п., безусловно, было обусловлено особым значением этого здания для
всего коллектива херсонесских колонистов. Заметим при этом, однако, что
оно, конечно, не могло вместить всех членов этого коллектива и, будучи рас-
считанным на небольшую группу людей, было предназначено, очевидно,
лишь для лиц, бывших его полноправными представителями, т.е. для граждан-
ских и военных магистратов, а также жрецов³².

Возведение гестиатория в качестве одной из первых построек поселения,
его особое место среди прочих сооружений, подчеркиваемое окружавшей его
вымошкой и самим парадным характером этого здания, расположение вблизи
въезда на городище – все свидетельствует об исключительной важности тех
действий, которые проводились в данном помещении. Это, в свою очередь,
позволяет предполагать, что оно служило не просто для ритуальных трапез,
но было местом проведения теоксений – культовых пиршеств, на которых не-
зримо присутствовало чествуемое божество.

Теоксении (theoxenia, θεοξένια) представляли собой разновидность культо-
вой практики, смысл которой состоял в «приглашении божества в гости», во
время которого ему ставилось клине, накрывался стол с тем же угощением,
что и другим участникам трапезы. На клине, как правило, помещалось изоб-
ражение, атрибуты или иные предметы, обозначающие присутствие божес-
тва³³. По существу, теоксении были разновидностью жертвоприношения, со-

²⁹ Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 50; Скржин-
ская М.В. Будни и праздники Ольвии в VI–I вв. до н.э. СПб., 2000. С. 56.

³⁰ Русяева. Религия и культы... С. 119.

³¹ Попова, Коваленко. Ук. соч. С. 99.

³² Ср. Bookidis. Op. cit. P. 51; Cole S.G. Landscape, Gender and Ritual Space (The An-
cient Greek Experience). Berkeley–Los Angeles–London, 2004. P. 80.

³³ О теоксениях см. Stengel P. Die griechischen Kultusaltertümer. München, 1898.
S. 110; RE 5A2. 1934. Cols. 2256–2258, s.v. theoxenia (Pfister); Nilsson M.P. Griechische
Feste von religiöser Bedeutung (mit Ausschluss der attischen). Darmstadt, 1957. S. 161–162;
Visscher F. Héraclès Epitrapezios // L'Antiquité Classique. 1961. XXX. P. 97; Flückiger-
Guggenheim D. Göttliche Gäste. Die Einkehr von Göttern und Heroen in der griechischen
Mythologie. Bern–Frankfurt am Main–New York, 1984. S. 24–27; Das Lexicon der alten
Welt. Bd II. Zürich–Stuttgart, 1965. Col. 3059; The Oxford Classical Dictionary³. Oxf.–N.Y.,
1996. Cols. 1506–1507.

проводившегося, как и все жертвоприношения молитвой³⁴. Участие в теоксениях было своеобразным актом единения коллектива граждан, от имени которого они устраивались и чьи избранные представители на них присутствовали, с тем божеством, которое на них «приглашалось». Коллективные трапезы были важной формой греческого религиозного ритуала³⁵. Теоксении нередко являлись составной частью религиозных празднеств, устраивавшихся в честь того или иного божества. Лучше всего известны теоксении в честь Аполлона, проводившиеся в Дельфах в весенний месяц, который так и назывался – *теоксений*³⁶. Проводились они и в честь других богов, среди которых были Артемида, Деметра, Дионис, Диоскуры, Геракл³⁷. Греческие теоксении были переняты римлянами, у которых они получили название «лектистернии» (*lectisternia* – от *lectus* – «ложе», *sternere* – «стелить»). В Риме они впервые были засвидетельствованы в 399 г. до н.э. и включали пиршества в честь шести богов: Аполлона и Латоны, Геркулеса и Дианы, Меркурия и Нептуна³⁸.

Рассмотрение всего круга проблем, связанных с чайкинским гестиаторием и возможными теоксениями, которые в нем проводились, неизбежно влечет за собой и постановку вопроса о том, в честь какого божества они могли устраиваться. Ответить на этот вопрос помогают некоторые сделанные выше наблюдения. Культ этого божества должен был иметь государственный характер. Важной чертой отправления этого культа должны были быть ритуальные трапезы. Явно неслучайное расположение гестиатория вблизи ворот поселения свидетельствует о том, что особое значение в данном культе придавалось защитным функциям, которыми могло обладать чествуемое божество. Все сказанное, на наш взгляд, однозначно указывает на то, что речь в данном случае должна идти о культе Геракла.

Исследованию различных аспектов почитания Геракла в Херсонесском государстве, как в самом городе, так и на поселениях херсонесской хоры, посвящена достаточно обширная литература, делать подробный обзор которой не входит в задачи настоящей статьи. Необходимо лишь отметить, что выводы исследователей базируются на обширном комплексе источников, включающем, прежде всего, многочисленные археологические памятники. Их изучение позволяет сегодня прийти к обоснованному заключению о том, что культ Геракла во второй половине IV – начале III в. до н.э. имел в Херсонесе государственный характер³⁹. На это указывает помещение изображений атрибутов Геракла на городские монеты с самого начала существования монетной чеканки Херсонеса⁴⁰, находки монументальных статуй героя, очевидно, устанавливавшихся в общественных местах⁴¹, существование в херсонесском ка-

³⁴ *Nillson. Op. cit. S. 162; Flückiger-Guggenheim. Op. cit. P. 25.*

³⁵ *Marinatos N. What were Greek Sanctuaries? A synthesis // Greek Sanctuaries. New Approaches. L.–N.Y., 1993, P. 228.*

³⁶ *Das Lexicon der alten Welt. Col. 3059.*

³⁷ *Ibid. Nillson. Op. cit. S. 161–162; Flückiger-Guggenheim. Op. cit. P. 25.*

³⁸ *RE XII/1. 1924. Col. 1108, s.v. lectisternium (Wissowa); Das Lexicon der alten Welt. Cols. 1696–1697; The Oxford Classical Dictionary³. Col. 837.*

³⁹ *Щеглов А.Н. Геракл в статуарной скульптуре Херсонеса // Проблемы археологии. Вып. 3. СПб., 1994. С. 136; Аграфонов П.Г. Мифология античного мира. Культ Геракла в Северном Причерноморье. Ярославль, 1998. С. 16.*

⁴⁰ *Столба В.Ф. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4. С. 66–67.*

⁴¹ *Щеглов. Ук. соч. С. 140–143; Аграфонов. Ук. соч. С. 16.*

лендаре месяца *гераклия* и празднование общегородского фестиваля Геракле-лей⁴². Государственный характер культа Геракла не исключал, однако, его почитания и частным образом, в домашних святилищах, как свидетельствуют археологические материалы из раскопок памятников Северо-Западного Крыма⁴³.

Многочисленные эпиграфические и письменные свидетельства указывают на то, что важной формой отправления культа Геракла была организация сакральных пиров в его честь. Сам герой, наделенный необычайной силой и жизнелюбием, рожденный смертной женщиной, на протяжении всей своей земной жизни сохранял свойственное многим смертным пристрастие к обильной еде, хорошему вину и веселой компании. Поэтому, вполне естественно, ритуальное повторение всего того, что герой, превратившийся в бога, любил при жизни, стало важной формой отправления его культа⁴⁴.

Широко известны теоксении в честь Геракла, устраивавшиеся в святилище Киносарги, недалеко от Марафона. В них в качестве сотрапезников Геракла принимали участие 12 «параситов», которые должны были быть рождены вне брака, как и сам герой⁴⁵. В родном городе Геракла – Фивах, в специальном здании, расположенном возле так называемых «ворот Электры», для него устраивался ритуальный пир⁴⁶. В городе Галасарне на острове Косе Гераклеи отмечались организацией теоксений⁴⁷. Аттический фиас месогеев устраивал в честь Геракла общественные теоксении, о чем свидетельствуют сохранившиеся до нашего времени надписи, датируемые III веком до н.э.⁴⁸ В святилище Геракла на Фасосе проведение священных пиров или теоксений, наряду с устройством военных агонов, было главной формой отправления культа Геракла в V–II вв. до н.э.⁴⁹

Защитная, или охранительная, функция была важнейшей составляющей в культе этого божества. На божественную помощь Геракла рассчитывали как при вражеском нашествии, так и при других напастьях. Подобно другим героям, он рассматривался как невидимый защитник города и хоры, и размещение его святилищ, храмов или изображений возле городских ворот или границ полиса было вполне естественным⁵⁰. На главных городских воротах Фасоса было изображение Геракла, направляющего стрелу в толпу врагов, на воротах в

⁴² Сапрыкин С.Ю. О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА. 1978. №1. С. 51; Аграфонов. Ук. соч. С. 44.

⁴³ Столба. Ук. соч. С. 60–61; Аграфонов. Ук. соч. С. 17; Popova E.A., Kovalenko S.A. A New Relief with Heracles in the North-Western Crimea // Talanta. 2000–2001. XXXII–XXXIII. P. 107.

⁴⁴ Visscher. Op. cit. P. 98; Burkert W. Structure and History in Greek Mythology and Ritual. Berkeley–Los Angeles–London, 1979. P. 96; Parke H.W. Festivals of the Athenians. L., 1977. P. 51; Roscher. Op. cit. Col. 2508; Bergquist. Op. cit. P. 60; Ekroth G. Pausanias and the Sacrificial Rituals of Greek Hero-Cults // Ancient Greek Hero Cult. Proceedings of the Fifth Intern. Seminar on Ancient Greek Cult, Göteborg University, 21–23 April 1995. Stockholm, 1999, P. 154, 156.

⁴⁵ Robert C. Die griechische Heldensage I. B., 1920. S. 636; Deubner L. Attische Feste. B., 1966. S. 226; Parke. Op. cit. P. 51; Flückiger-Guggenheim. Op. cit. S. 72.

⁴⁶ Nilsson. Op. cit. S. 447; Robert. Op. cit. S. 633; Flückiger-Guggenheim. Op. cit. S. 71.

⁴⁷ Nilsson. Op. cit. S. 453; Flückiger-Guggenheim. Op. cit. S. 71.

⁴⁸ Flückiger-Guggenheim. Op. cit.; Deubner. Op. cit. S. 226.

⁴⁹ Bergquist. Op. cit. P. 32, 58.

⁵⁰ Kearns E. The Heroes of Attica. L., 1989. P. 54; Kron U. Patriotic Heroes // Ancient Greek Hero Cult... Stockholm, 1999. P. 73.

южной стене имелась надпись, в которой Геракл (вместе с Дионисом) был назван «защитником города»⁵¹.

Анализ археологического материала, накопленного при раскопках Херсонеса и поселений херсонесской хоры, также позволил исследователям прийти к выводу о том, что почитание здесь Геракла как защитника, Сотера играло в IV–III вв. до н.э. весьма значительную роль⁵². Освоение Херсонесом земель Северо-Западного Крыма в середине – второй половине IV в. до н.э., безусловно, требовало напряжения всех сил Херсонесского государства, было чревато военными конфликтами и поэтому покровительство такого божества, как Геракл, было очень важным для колонистов.

Археологические находки, сделанные при исследовании Чайкинского городища, свидетельствуют о несомненной популярности культа Геракла на поселении. Отсюда происходят три рельефа с изображением героя. Один из них изображает Геракла пирующим после его трудов⁵³, два других воспроизводят стоящего героя, во время совершения его подвигов⁵⁴. Известны также находки чернолаковых канфаров конца IV в. до н.э. с процарапанными по горлу посвящениями Гераклу⁵⁵.

На наш взгляд, приведенных данных достаточно для подтверждения сделанного выше вывода о том, что теоксии, которые могли проводиться в чайкинской геститатории, были посвящены именно Гераклу. В связи с рассматриваемой темой особое внимание обращает на себя находка на Чайкинском городище рельефа с изображением пирующего Геракла. Думается, что помещение как раз подобного рельефа на клине в гестиатории наиболее соответствовало бы смыслу теоксений и лучше всего воплощало бы символическое присутствие на них божества⁵⁶. Это предположение косвенно может свидетельствовать и в пользу того, что на этих трапезах почести воздавались Гераклу-богу, а не герою, поскольку изображение пирующего Геракла символизировало его приобщение к бессмертию и являлось ничем иным, как воспроизведением апофеоза Геракла, тесно связанного с его дивинизацией⁵⁷.

Интерпретация открытого на Чайкинском городище помещения 111 в качестве гестиатория, которая, на наш взгляд, не имеет убедительной альтернативы, позволяет, таким образом, поставить на более твердую почву вопрос о существовании в религиозной практике северопричерноморских греков такой формы отправления культа, как проведение ритуальных пиров или трапез, о чем до настоящего времени было известно лишь из отрывочных эпиграфических свидетельств. Весьма вероятная связь подобных пиршеств с культом Ге-

⁵¹ Brackertz U. Zum Problem der Schutzgottheiten griechischer Stadte. B., 1976. S. 96; Bergquist. Op. cit. P. 29.

⁵² Сапрыкин. Ук. соч. С. 42; Соломоник. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 15–16; Столба. Ук. соч. С. 64–65, 69; Шеглов. Указ. соч. С. 137; Попова, Коваленко. Об аспектах культа Геракла. С. 82; Аграфонов. Ук. соч. С. 16–17; Popova, Kovalenko. Op. cit. P. 107 f.; Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев, 2005. С. 449.

⁵³ Карасев А.Н. Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории // АО 1965 г. М., 1966, С. 115–117.

⁵⁴ Попова, Коваленко. Об аспектах культа Геракла. Рис. 2; Popova, Kovalenko. Op. cit. Fig. 1.

⁵⁵ Попова, Коваленко. Об аспектах культа Геракла. С. 82.

⁵⁶ Ср. Аграфонов. Ук. соч. С. 45.

⁵⁷ Visscher. Op. cit. P. 98, 111; Сапрыкин. Ук. соч. С. 49; Русяева. Религия понтийских эллинов... С. 450.

ракла Сотера является еще одним подтверждением популярности и важности почитания этой ипостаси Геракла как на поселениях дальней херсонесской хоры, так и в Херсонесском государстве в целом.

HESTIATORION OF THE CHAIKINSKOYE SITE

S. A. Kovalenko

The author undertakes a comparative analysis of the remains of a building unearthed at the ancient site of Chaikinskoye. The building was situated near the entrance to the settlement, it was square in shape and its decoration made it conspicuous among the rest of the buildings, underlining its public meaning. Its architectural features and layout make it possible to suppose that it was a hestiatorion, a building intended for cult feasts (banquets) in the form of the so-called theoxenia implying that the deity honoured by the feast was invisibly present among the mortals. It is very probable that the deity worshipped here was Heracles. The cult of Heracles was a state cult in Chersonesus, he was worshipped as Soter (i.e. as protector of the Chersonesian land), especially by the Chersonesian colonists who lived in remote parts of the chora. The discovery of the hestiatorion at the Chaikinskoye site gives archaeological evidence proving the existence of that religious practice (known before only from epigraphic and written sources) there and then.